

— Веч. Москва. — 1997. — № 4. — С. 4
 Ревность — плохой советчик

МНЕ СОВЕСТНО ЗА ТЕБЯ,

ЕВГЕНИЙ!

С Евгением Евтушенко мы знакомы уже около сорока лет. И все эти годы у нас были добрые и даже, более того, просто дружеские отношения. По крайней мере бокалы с шампанским, по его предложению, «за крепкую, настоящую дружбу» поднимали мы не один раз. Я старше Евгения на десять лет.

За моей спиной — война. Он тогда был молод, горяч и задирист. И мне это искренне нравилось. Когда в большом зале ЦДЛ обсуждались его стихи, я выступал и говорил о нем хорошие и взволнованные слова, предсказывая его поэзии широкое будущее. А в самые трудные для него дни в начале шестидесятых годов, когда официальная и неофициальная критика обрушивалась на него жесточайший огонь, я остался на тех же позициях дружбы. На своих литературных вечерах, в набитых до отказа аудиториях я и по собственной инициативе, и отвечая на записки читателей, говорил в его защиту самые проникновенные и искренние слова.

Нет, я не идеализировал и не идеализирую поэзию Евтушенко... Есть в ней множество плюсов и более чем достаточное количество минусов. Но мне хотелось говорить больше всего о плюсах. Что я с удовольствием и делал. И это могут подтвердить сотни тысяч моих читателей в Москве, Ленинграде, Киеве, Ташкенте, Баку, Ереване, Свердловске и множестве других городов. Да, я очень хорошо к нему относился и готов был прикрыть его в любой неожиданной ситуации.

Не сомневаюсь, что Евтушенко помнит случай, который произошел на встрече поэтов со студентами Бауманского института. Это было как раз после того, как Евтушенко опубликовал свое довольно гусарское стихотворение: «Ты говорила шепотом».

Оно начиналось так:

*Ты говорила шепотом:
 — А что потом? А что потом?
 Постель была расстелена,
 И ты была растеряна...*

Стихотворение это многих шокировало. Поэт Сергей Островой, явно намекая на него, опубликовал довольно резкое стихотворение, которое заканчивалось:

*Как же это все неблагородно,
 Как же это все не по-мужски!*

Я отнесся к стихотворению Евгения более благодушно. И вот на вечеру в Бауманском институте поэт Василий Журавлев решил вызвать Евтушенко на своеобразный поэтический бой. Он, стоя на трибуне, предложил Евтушенко прочесть это стихотворение и сказал, что после, полемизируя с ним, прочтет свои строки. Помню, что Евтушенко растерялся и отказался от предложения Журавлева. Сидя рядом с ним, я с азартом сказал ему: «Не тушуйся! Иди читай! И будь спокоен: я тебя сейчас поддержу!». Но Евтушенко тогда от полемики уклонился. А выступал с совсем другими стихами. Когда же вечер заканчивался, он подошел ко мне сзади и, нагнувшись к моему уху, проникновенно сказал: «Эдик, я сейчас ухожу. Но хочу еще раз сказать тебе, что я твой настоящий и верный друг. И, пожалуйста, помни: я люблю тебя и буду всегда любить!».

Человек я доверчивый, и слова эти меня искренне тронули. Я верил ему.

Верил, пока однажды лет двенадцать назад не прочел неожиданно в «Правде» его стихотворение, которое называлось,

если не ошибаюсь, «Законсервированная культура». По форме оно было написано неряшливо и торопливо, а суть его сводилась к тому, что не все люди разбираются в поэзии и музыкальном искусстве, что читать следует не Асадова, а Пастернака и еще там кого-то, а в концертных залах надо слушать не Аллу Пугачеву, а музыку Шостаковича. Удивленный таким литературным коварством, я написал Евтушенко письмо. Он мне ответил, уверяя в том, что я его просто не понял. И что целью его было выступить против поклонения литературным кумирам, таким как Асадов, Вознесенский, Рождественский и, конечно же, он — Евтушенко. Однако имена остальных «кумиров» остались почему-то за кадром. А укусил он из поэтов только Асадова. Но я не стал с ним полемизировать в прессе, а огорченно махнул рукой: «Ладно. Суди его Бог!».

И только подумал тогда — вот у него есть стихотворение, начинающееся словами:

*Со мною вот что происходит:
 Ко мне мой старый друг не ходит...*

И только вздохнул про себя: «Так дружить-то ведь надо уметь!». И еще мне тогда вспомнилось, как однажды в Союзе писателей, в молодые наши годы, спускаясь по лестнице после какого-то собрания, я услышал вдруг, как за моей спиной кто-то на память читает мои стихи:

*Зима слабеет. Ей все хуже.
 Нет-нет, да и блеснет вода,
 Но по ночам еще на лужи
 Мороз кладет заплатки льда.*

*Еще ночами воев в трубах,
 Еще пока в пути апрель,
 Еще шаманит в снежной шубе
 На спящей площади метель...*

Я обернулся. Это был Евгений Евтушенко. Я сказал ему: «Спасибо! Но неужели ты учил мои стихи наизусть?». Он, засмеявшись, ответил: «Нет, не учил. Просто хорошие стихи запоминаются сами. Так что это не мне, а тебе спасибо!».

Шли годы, и отношения между нами продолжали оставаться дружескими и добрыми. Поэтому на литературную затрещину в «Правде» я особенного внимания не обратил. Тем более что перед этим на протяжении ряда лет меня отчаянно кусали и грызли разнообразные литературные недруги. Причина была понятной: бранили главным образом за успех — чем больше успех, тем больше брани. И все-таки поэтический резонанс оказался сильнее критики. Он продолжался и продолжался, и критики наконец отстали. И долгое время надо мной было чистое небо.

Но вот в апреле 1997 года новый удар. И на этот раз опять Евтушенко. Последний выпад замаскированный, хитрый, и под стягом едва ли не дружбы, и от этого особенно острый.

Итак, еженедельник «Вечерняя Москва» №14 (3—9 апреля). «Наша антология с Евгением Евтушенко». И начинается своя публикация Евтушенко с якобы покаянных слов. Он сетует на то, что, составляя под собственной редакцией антологию поэзии двадцатого века, «забыл» имена двух поэтов: Асадова и Острового. Забыл ли Евтушенко фамилию Острового? Не знаю. Полагаю, что как раз наоборот. Очень даже запомнил. Помните приведенные выше строки? Ну а насчет того, что Евтушенко, прекрасно помня имена множества поэтов, тем не менее забыл имя Эдуарда Асадова, я даже не хочу дискутировать.

Дело в том, что в советские времена тиражи книг любого поэта целиком зависели от его популярности. И Евгению великолепно известно, что тиражи книг Эдуарда Асадова никогда не уступали тиражам книг Евтушенко. Проверить это легко и сегодня, стоит взять в руки наши книги, изданные в те времена. Однако никакого противоборства, как мне казалось, у нас с ним не было. Читателей хватало всем. Но не так, очевидно, полагал Евтушенко. После того обидно-несправедливого выступления в «Правде» он, как показала жизнь, так и не угомонился.

Вот что написал он в том апрельском номере «Вечерней Москвы» о творчестве Эдуарда Асадова: «Его стихами о любви, о молодежных проблемах зачитывались

те, кто обыкновенно стихов не читает: пэтэушники, лимита, дворничихи, приемщицы химчисток, солдаты переписывали стихи Асадова в тетрадки». И далее, спустя абзац: «Стихи Асадова давали утешение многим читателям, не доросшим до Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, но нуждающимся в помощи поэзии».

Читаю эти строки и просто изумленно трясую головой: с какой это стати, для чего и зачем понадобилось Евтушенко сделать попытку так грубо оболгать и принизить миллионы и миллионы моих читателей как в нашей стране, так и за рубежом? «Пэтэушники? Лимита? Дворничихи?». С чего эта фанатерия? Откуда взялась у него эта высокомерно-уничтожительная ухмылка? Мои чемоданы буквально забиты горячими и взволнованными письмами от учителей, ученых, врачей, тут и старшекласники, и студенты, и летчики, и артисты, и вообще представители едва ли не всех профессий на свете! Они, любя стихи Эдуарда Асадова, великолепно разбирались в поэзии Ахматовой, Пастернака, Мандельштама и многих других поэтов. Я уже не говорю о том, что практически все они горячо любят стихи Сергея Есенина.

Евгений! Очнись! Если бы ты хотел обидеть только меня, я бы не так возмутился. Нет, я не отказываюсь ни от каких моих читателей! Я всех их люблю и никому унижать не позволю! И передергивать так, Евгений, просто недопустимо! А чего стоит такая еще, к примеру, засахаренная таблетка хины: «...Приводимая мною прекрасная «Баллада о буланом пенсионере», надеюсь, не будет никогда соотнесена с судьбой самого поэта, не заслуживающего забвения!». Ах, как хочется выдать желаемое за действительное! Только нет, Женя! Забвением тут абсолютно не пахнет! А пахнет тут, если угодно, самой обыкновеннейшей ревностью! Ты болел болезнью тщеславия. Тебе всегда мечталось быть первым. И, когда это не получалось, тебя это, очевидно, болезненно ранило. Приведу один разительный пример, подтверждающий мои слова. Вот фрагмент из статьи А. Казинцева, напечатанной в «Литературной газете» 21 января 1987 года. Статья называется «Две музыки».

«В справке о результатах изучения спроса на издательскую продукцию, подготовленной социологами библиотеки имени Ленина на основании данных 1983 года, среди нескольких десятков авторов, чьи книги пользуются повышенным спросом, упоминаются только пять поэтов. Из них лишь двое работают и ныне: Эдуард Асадов и Евгений Евтушенко. Интересно, что Асадов далеко опередил Евтушенко. На сборники последнего читательский спрос в основном удовлетворен: двадцать три процента отказов на поступившие заявки. Чего не скажешь о книгах Асадова... Эдуард Асадов занимает место в группе бесспорных лидеров».

К сказанному выше вряд ли что-то можно добавить! Мне хочется лишь в конце напомнить Евгению о том, что он сам когда-то с удовольствием цитировал наизусть строки Асадова. Хотя он не пэтэушник и не «лимита»! И честное же слово, ревность — плохой советчик!

Я не хочу с тобой враждовать. Я ни разу не выступил против тебя ни устно, ни письменно. Шагни же и ты наконец на тропу дружбы и мира!

Эдуард АСАДОВ